

В северо-западной части Земли, где небо сливалось с лазурью океана, а за спиной высились невысокие зеленые холмы, приютилась крошечная рыбацкая деревушка. Она стояла на белоснежном песчаном берегу, и в ней едва ли набралось бы с десяток домов. Я уже забыл, как она называлась, да и было ли у неё название вообще — в конце концов, она была слишком мала.

Я родился там. С того самого дня, как научился ходить, я видел лишь эти три цвета: синее небо, бескрайнее море и белый песок.

29 марта 1985 года.

Прошлой ночью я был так взволнован, что не мог уснуть. Я ворочался между родителями до тех пор, пока папа, окончательно потеряв терпение, не ущипнул меня за бочок. Только тогда я со слезами на глазах зажмурился и заставил себя заснуть. А когда открыл глаза снова, жаркое солнце уже играло на стеклянной безделушке на подоконнике, и солнечный зайчик прямо-таки колот мне веки, заставляя проснуться.

Родители обещали: если я буду вести себя хорошо, то вечером они принесут мне большой, мягкий и ароматный торт, как в сказках. Деревня находилась слишком далеко от города, и дорога туда и обратно занимала у них почти весь день. Солнце еще не достигло зенита, так что сегодня мне предстояло провести день в одиночестве.

Я встал, умылся, надел свою лучшую одежду — ту, на которой было меньше всего заплаток, — нахлобучил панамку и отправился на пляж.

Я бежал босиком по мелкому песку, и всё вокруг, залитое ярким солнцем, казалось полным надежд и жизни.

Сегодня мне исполнилось шесть лет.

29 марта 1985 года, 10:23.

День выдался погожим. Я прибежал на пристань с маленькой удочкой и корзинкой для рыбы. Мои босые пятки звонко шлепали по деревянным доскам. Дядя Том обернулся и улыбнулся мне. Рядом с ним уже стоял крошечный табурет, похожий на игрушку из детского набора. Я с радостью взобрался на него и, подражая дяде, закинул удочку.

— Доброе утро, дядя Том!

— Доброе утро, Ричард. С днем рождения, наш маленький принц.

Загорелое, все в глубоких морщинах лицо дяди Тома расплылось в широкой улыбке:

— Твои родители просили меня присмотреть за тобой. Проведешь этот день с таким старым ворчуном, как я. Самая большая рыба, которую мы поймаем, станет твоим подарком. Что хочешь на обед? Жареную рыбу или уху?

— Спасибо, — я хитро прищурился, — но разве мы не едим рыбу каждый день?

Я придвинулся ближе и прижался к нему.

— Это другое, — дядя Том протянул руку и ущипнул меня за бочок. — Раньше всю самую свежую рыбу мы отправляли на рынок, чтобы она попала на столы богачей. А сегодня самая вкусная рыба достанется тебе.

— А есть какая-то разница между вкусной рыбой и обычной? Я никогда не пробовал вкусной. Она что, будет брыкаться у меня в животе? — я сделал вид, что очень обеспокоен, и посмотрел на свой живот.

— Ха-ха-ха! Нет, малыш. Она будет брыкаться у тебя на языке, и ты навсегда запомнишь этот вкус.

— О, звучит заманчиво.

Мы болтали ни о чем, морской бриз приносил шум прибоя, солнце ласково грело кожу, и казалось, что время замерло, а весь мир сузился до размеров этой маленькой пристани.

Я лениво скользнул взглядом по горизонту, недоверчиво потер глаза и спросил:

— Дядя Том, а какого размера может вырасти самая большая рыба?

Дядя Том, уже почти задремавший, ответил не сразу:

— По-разному. Даже самая маленькая большая рыба — огромна, а самая большая маленькая — крохотная. — Он приоткрыл один глаз. — А зачем тебе это?

— Понятно. Значит, вон там — самая большая большая рыба?

На горизонте что-то огромное и непонятное бешено извивалось. Вокруг этого существа роились черные точки, некоторые из них уже карабкались на его тело.

Дядя Том с любопытством поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда я указывал, но на море было тихо и спокойно. Он ничего не увидел.

Обеспокоенно приложив ладонь к моему лбу, он спросил:

— У тебя солнечный удар?

— Не знаю. А что это?

Я смотрел на него остекленевшими глазами и глупо улыбался. Дядя Том вздохнул, собрал удочки, подхватил меня на руки и понес в деревню.

Голова была тяжелой, как в тумане. Я изо всех сил пытался разлепить веки и снова взглянуть на горизонт, но гигантская извивающаяся тень исчезла.

29 марта 1985 года, 17:33.

Когда я проснулся, солнце уже окрасилось в оранжевый цвет.

День рождения, которого я так ждал, прошел во сне. Моя отупевшая от боли голова с досадой осознала это. Я с трудом поднялся с кровати и увидел, как мимо быстро проходит дядя Бейкер. За ним семенила тетя Сьюзан, а за ней...

— Мама?

Мой голос прозвучал хрипло, как комариный писк, но желание найти маму оказалось сильнее недомогания. Я забыл о боли и, надрываясь, звал:

— Мама... Мама...

Никто не обратил на меня внимания. В руках у них были какие-то помятые бумажки и монеты, которые они совали дяде Бейкеру. Тот кивнул, быстро вскочил на велосипед и уехал, а мама и остальные пошли пешком следом за ним, покидая деревню.

Я, спотыкаясь, брел за их удаляющимися в сумерках силуэтами. Моё состояние стало невыносимым, и в этот момент всё превратилось в слезы. Ноги подкосились, и я рухнул в песок.

— Боже мой, Ричард! Как ты здесь оказался?

Позади слышался испуганный голос сестры Марты. Она подбежала ко мне, опустилась на колени и подняла на руки. Её ладони, пахнущие мылом, стерли песок с моего лица, смешанный со слезами.

— Марта... сестренка...

Мой голос был слишком хриплым. Марта испугалась, поспешно унесла меня домой и напоила водой. Она была очень доброй и ласковой:

— Всё хорошо, с твоим папой всё будет в порядке. Все пошли его спасать.

Что случилось с папой? Что с ним приключилось?

Я рыдал, захлебываясь слезами. Сердце колотилось в груди, но я не мог вымолвить ни слова — горло опухло и болело так, что даже глоток воды причинял нестерпимую боль.

— Не бойся, — сказала Марта. — Он не умрет.

29 марта 1985 года, 21:45.

Море беспокойно билось о берег, холодные брызги летели на мои ноги. Морской ветер, острый, как нож, резал кожу.

Но разве это важно? Папе сейчас гораздо больнее. Марта сказала, что его переехал автомобиль, что он потерял много крови... Должно быть, это ужасно больно.

Я прислонился к скале, сжался в комок и зарыдал.

Это всё моя вина. Если бы я не попросил белый хлеб, папа не попал бы в беду.

Это всё моя вина.

Это всё моя вина.

Ночное море, такое же черное, как и небо, сливалось с ним в единое целое. Оно превратилось в огромную пасть, готовую поглотить меня.

Пусть поглощает. Я всё равно больше не могу вынести этой реальности.

Внезапно прилив усилился. В одно мгновение меня накрыло водой. Она была ледяной, но так же быстро отступила. А на берегу, прямо передо мной, появился человек.

Кто он?

Длинные прямые черные волосы, черные глаза, странное платье. Я никогда раньше не видел таких людей.

Он без сил лежал на песке, тяжело кашлял, а потом медленно поднял голову и посмотрел на меня. В его глазах читалась невыразимая усталость.

— ■■■■■? ■■■■■■■■■? — произнес он на языке, которого я не понимал.

Я растерянно моргнул, и по моим грязным, мокрым от слез щекам покатились новые капли.

Незнакомец мучительно вздохнул, словно собираясь с силами, и на его красивом, тонком лице вдруг появилась мягкая улыбка. Он поднялся с песка и, пошатываясь, подошел ко мне.

Шаг, два, три... Он упал рядом, протянул правую руку и обнял меня. В его объятиях было так тепло и спокойно, совсем как тогда, когда папа обнимал меня и учил узнавать звезды.

— ■■, ■■■■■■■■■.

Я по-прежнему не понимал ни слова, но его голос звучал так нежно, как голос мамы, когда она убаюкивала меня во время болезни.

Я больше не мог держаться. Мне было так грустно, так больно. А папе и маме, наверное, еще больнее.

В его объятиях я рыдал до тех пор, пока не потерял сознание.

<http://bllate.org/book/18654/1797911>